

Из семейных воспоминаний.

I.

Село Покровское было старинным дворянским гнездомъ. Въ прошломъ столѣтїи имъ владѣлъ Александръ Семеновичъ Брянчаниновъ, одинъ изъ наиболѣе уважаемыхъ людей въ губерніи. Бывшій камеръ-пажемъ при Императорѣ Павлѣ, затѣмъ—другомъ Поздѣва и другихъ благочестивыхъ масоновъ того времени, оставившій Петербургъ послѣ 12-го года, онъ перенесъ и въ сѣверную глушь свои утонченные привычки. Покровское было имъ устроено заново. Воля его и художественный вкусъ создали маленькій Версаль съ замкомъ-дóмомъ, царственнымъ садомъ и изящной церковью на бесплодной илухѣ глинистой русской горы.

Обычно помѣщичьи дома строились тогда деревянные, четверугольные, съ большимъ рундукомъ и тѣсною прихожей, гдѣ всегда пахло амміакомъ. Въ лакейской Покровскаго дома, какъ и въ комнатахъ, стоялъ запахъ цвѣтовъ, принесенныхъ изъ оранжереи, или тонкаго французскаго табака. Баринъ нюхалъ; курить считалось здѣсь дурнымъ тономъ. Служили барину не Осипы и Захары, а вышколенный, знающій свое дѣло камердинеръ; такими же были и прочіе слуги, въ особенности дядька и почтенная, хотя молодая еще, няня при дѣтяхъ.

У Александра Семеновича и жены его родилось шестнадцать человѣкъ дѣтей; всѣ они росли первые годы подъ надзоромъ преданной душой и тѣломъ няни Ефимовны. Въ случаяхъ тяжелой болѣзни котораго-нибудь изъ дѣтей, нянька являлась къ барынѣ съ докладомъ: „матушка Софья Афанасьевна, пожалуйста благословить малютку,—трудятся.“

Мать шла, благословляла ребенка и спокойно возвращалась къ своему долгу. А долгъ ея былъ—угождать мужу и поддерживать достоинство дворянской семьи. И такъ какъ никто не мѣшалъ дѣтямъ болѣть и умирать, то изъ шестнадцати человѣкъ осталось въ живыхъ девять. Старшимъ былъ Дмитрій Александровичъ, впоследствии извѣстное духовное лицо, а младшею—моя мать, Марья Александровна.

Мать моя всю жизнь обожала Покровское и потому не цѣнила Вепрево, усадьбу мужа, хоть оно было однимъ изъ красивѣйшихъ уголковъ въ уѣздѣ. Я же росла, глубоко влюбленная въ свое милое Вепрево, въ каждую бѣлую березу, въ каждую мохнатую еловую заросль, въ каждую крутую, осыпавшуюся горку надъ рѣкой. Тѣмъ не менѣе и для меня, въ дѣтствѣ моемъ и ранней молодости, Покровское было волшебной сказкой, воплощенной мечтой. До сихъ поръ во мнѣ живо воспоминаніе Покровской старины: высокіе кусты розъ въ простѣнкахъ между оконъ, синяя гостиная съ штофной мебелью, круглая зала, обширная и свѣтлая, гдѣ собирались внуки и дѣти большого барина для чинныхъ обѣдовъ; балконъ съ бѣлыми львами, душистые жасмины кругомъ; надъ балкономъ на каменной стѣнѣ дома лѣпныя украшенія въ видѣ рыцарскихъ доспѣховъ; внутри—широкая витая лѣстница наверхъ и антресоли вверху съ таинственными чердаками. О, какъ таинственны были эти низкіе, темные чердаки! Какими удивительными исторіями населяло ихъ мое воображеніе! И кто знаетъ, сколькихъ дѣйствительныхъ исторій они были свидѣтелями?

Въ этомъ-то прекрасномъ домѣ, въ этой воплощенной мечтѣ выросло молодое поколѣніе Брянчаниновыхъ. Среди дѣтей само собою образовалось нѣсколько дружныхъ паръ. Только старшая дочь, Александра Александровна, нелюбимая матерью, стояла одиноко. Дмитрій Александровичъ дѣлилъ мысли и чувства съ слѣдующимъ за нимъ братомъ, Петромъ. Веселый р-мяный Сашинька ладилъ со всѣми. Средніе—Сенюшка и Лизанька, похожіе другъ на друга, шалили вмѣстѣ. Изящная Соничка тянулась душой къ Дмитрію и была имъ любима. Младшаго же брата Мишу соединяла съ моею матерью такая неразлучная дружба, что въ семьѣ прозвали ихъ общимъ именемъ „Мишмашакъ“.

Главнымъ правиломъ воспитанія считалась въ Покров-

скомъ неумолимая строгость. Странно уживались въ его дѣдѣ тактъ и свѣтлый умъ, и образованность съ деспотизмомъ, перешеголявшимъ завѣты самаго Домостроя.

Софья Афанасьевна нѣжно любила сына Дмитрія, но любовь къ дѣтямъ скрывалась здѣсь, какъ недостойная слабость. То было царство розги. Послѣ одного несправедливаго наказанія, мать моя вздумала протестовать; за это ее высѣкли во второй разъ до обморока. Михаилъ Александровичъ, мальчикъ самолюбивый, однажды прокусилъ себя до крови руку, стараясь не закричать во время экзекуции. Виною его было то, что услышавъ въ деревнѣ разговоръ о мошенничествахъ старости, онъ, съ свойственною ему горячностью, прибѣжалъ рассказать объ этомъ папинькѣ. Выѣшался въ дѣла взрослыхъ, что, конечно, не допускалось.

Помню, въ старости дѣдъ сказалъ разъ о своихъ дѣтяхъ:

— Старшихъ я держалъ строго—и проигралъ; меньшихъ баловалъ, и ничего не выигралъ.

Что онъ надѣялся выиграть—не знаю, и отчего проигралъ на тѣхъ, кто принесъ честь его имени—непонятно. Но если младшихъ описаннымъ образомъ баловали, то что должны были выносить старшіе? И мудрено ли, что воспоминанія грустнаго дѣтства вливали въ послѣдствіи нѣкоторую холодность въ отношенія ихъ къ отцу?

Воспитаніе, которое получали молодые Брянчаниновы, было по тому времени блестящимъ. Каждый день свѣжая тройка привозила лучшихъ учителей изъ города и отвозила обратно; два учителя и гувернантка жили постоянно. Обращалось вниманіе на искусства; въ даровитой семьѣ у однихъ были склонности къ музыкѣ, у другихъ—къ литературѣ; у третьихъ къ живописи. Всѣ эти таланты развивались. Въ то же время дѣтей Брянчаниновскаго дома не только наказывали, но и держали впроголодь по утрамъ. Не изъ скупости, конечно: того требовала суровая система.

Ослѣпнувъ подъ старость, няня Ефимовна доживала свой вѣкъ въ нашемъ Вепревскомъ домѣ. Мы, дѣти, бѣгали по вечерамъ слушать, какъ она молится. Молилась она вслухъ, долго и слезно, за себя и за всѣхъ, кого она любила, причемъ съ рыданіями умоляла Бога простить ей тотъ грѣхъ, что она однажды, разсердившись, хлопнула барышню Лизавету Александровну. Имѣя передъ глазами каждодневное

сѣченье дѣтей, эта чистая душа ставила себѣ въ вину единственный, вѣроятно легкій ударъ! Объ этой нянѣкъ Петръ Александровичъ—губернаторъ и старикъ—вспоминалъ, какъ о своей благодѣтельницацѣ.

— Тѣ ломтики хлѣба, что намъ Ефимовна совала тайкомъ, были *ми-лос-ты-ней!* говорилъ онъ дрожавшимъ отъ волненія голосомъ.

Ефимовна всегда старалась скрывать вины дѣтей отъ господъ: дядька напротивъ, вѣрный церберъ, не пропускалъ ни одной.

Утро начиналось въ Покровскомъ докладами. Доклады эти я живо могу себѣ представить по рассказамъ матери и слѣпой няни.

Семь часовъ. Баринъ уже вышелъ изъ спальни и отправился въ кабинетъ. Домочадцы съ замираніемъ сердца слышали трубный звукъ его сморканья, означавшій, что онъ гнѣвенъ. Въ верхъ, осторожно ступая въ большихъ сапогахъ, прошелъ староста Матвѣй. Няня Ефимовна явилась въ спальню съ докладомъ о дѣтяхъ.

Спальная—просторная и прохладная комната съ колоннами и единственнымъ широкимъ окномъ въ садъ. Барыни тамъ не было. Она сидѣла передъ туалетомъ въ маленькой розовой уборной.

Сложивъ по-монашески руки подъ грудью, Ефимовна у двери положила низкій поклонъ.

— Матушка Софья Афанасьевна, съ добрымъ утромъ!

Барыня обернула къ ней спокойное, чуть-чуть блѣдное лицо.

— Ну что, Ефимовна? Все благополучно?

— Все, матушка; у Сонечки прошелъ кашель.

— Такъ не завязывай ей горла. Лизанька что?—спросила она о своей любимицѣ.

— Хорошо ночевали-съ, отвѣчая улыбкой на ея улыбку,—сказала Ефимовна.

— А Маша?—уже равнодушнѣе спросила барыня.

— Машенька тревожились. Все еще здоровьице плохо.

Опять бы, матушка, мѣсяць другой въ банькѣ ихъ порастирать. Изволите помнить, онѣ до трехъ лѣтъ не ходили, такъ одной банькой я...

— Не надо, она ужъ большая, перебила мать.

Нянька подавила вздохъ.

— Съ вечера тревожились, плакали во снѣ; шести лѣтъ, какія еще большія? прибавила она на свой страхъ изъ жалости къ больной дѣвочкѣ. Она знала причину ея слезъ во снѣ: ребенка запугали вчера, уча молитвамъ „съ пристрастіемъ“.

Софья Афанасьевна не отвѣтила. Занятая своими мыслями, она разсѣянно перебирала рукой дорогіе бездѣлушки въ раковинѣ, лежавшей у зеркала.

— А какъ Александра Александровна... спала ночью?

Ефимовна опустила глаза. Она хотѣла бы умолчать, но дѣло было выходяще изъ ряда. Барыня замѣтила ея нерѣзительность и настойчиво и строго повторила:

— Спала Александра Александровна, я спрашиваю?

— Матушка, онѣ... молились.

— Опять на колѣняхъ?

— Точно такъ.

— Всю ночь?

— На разсвѣтѣ заснули.

Мать пожала плечами.—*Est-ce une sainte ou une imbécile?* подумала она съ невольнымъ враждебнымъ чувствомъ о дочери.

— Не люблю я этихъ причудъ. Всѣ спать, кто не хуже ея, а она... На все есть время... Можешь идти.

Послѣ Ефимовны вошелъ дядька. Барыня, разгнѣванная извѣстіемъ о ночной молитвѣ дочери, не отвѣтила на его поклонъ. Но заслуженный и вѣрный слуга, не смущаясь барынинымъ строгимъ видомъ, отдалъ свой рапортъ.

— По дѣтской всѣ здоровы, сударыня-матушка. Петръ Александровичъ изволили вчера изорвать сапожокъ. На прудъ вечеромъ изволили выходить, и изорвали.

— Съ кѣмъ ходилъ на прудъ?

— Одни-съ. Дмитрій Александровичъ не изволили отлучаться.

— Митенька всегда уменъ, подумала, смягчаясь. Софья Афанасьевна. Право, его даже наказывать... и не докончивъ своей мысли, спросила:

— Еще что?

— Семень Александровичъ дразнили Александру Александровну...

Барыня махнула рукой: мимо!

— Михайло Александровичъ изволили бѣгать по калидеру замѣсто того, чтобъ ложиться спать. Шумѣть изволили. Я докладываль, что не велѣно; не изволили послушать...

— Останется безъ „руки“.

На Мишиньку, какъ на бѣднаго Макара, всегда падали шишки. Александру Александровну любилъ отецъ, какъ Дмитрія Александровича—мать, но Мишинька для обоихъ родителей былъ нелюбимый. Выходки его были такъ неумѣстны, онъ не ласкался къ родителямъ, когда это полагалось, а если ласкался, то не во время, глаза его такъ странно разбѣгались, а волосы торчали вихрами, онъ имѣлъ такой нелѣпый озабоченный видъ, точно все о чемъ-то думаль. Пристало ли думать, когда самого отъ земли не видно? и могло ли это нравиться въ домѣ, гдѣ отъ дѣтей требовался лишь страхъ и послушаніе?

Дмитрій Александровичъ былъ тоже задумчивъ, но мать—свѣтская женщина—считала его задумчивость неотъемлемою принадлежностью его блестящихъ способностей, ласкавшихъ ея честолюбивыя мечты перспективою высокою будущей карьеры для сына.

Кончая свой докладъ, дядька объявилъ:

— Дмитрій Александровичъ изволили въ постели читать наизусть псаломъ: „Помилуй мя Боже, яко попра мя человекъ“... Изволили сказать: этотъ де псаломъ ко многимъ подходитъ.

Софья Афанасьевна, слегка наклонивъ голову, мысленно пробѣжала начало псалма, подумала немного, и съ быстрымъ взглядомъ спросила у дядьки:

— Ты не знаешь, о себѣ это говорилъ Митенька или о всѣхъ людяхъ?

Дядька былъ увѣренъ, что молодой баринъ прилагаль слова псалма именно къ себѣ и братьямъ. Но онъ не имѣлъ на это ясныхъ доказательствъ, и какъ человекъ добросовѣстный не желаль свидѣтельствовать ложно. Онъ отвѣчалъ:

— Не могу знать, сударыня-матушка.

— Ступай.

Боюсь я, слишкомъ серьезенъ Митенька, промолвила едва слышно мать. Хорошъ и уменъ, но зачѣмъ такъ серьезенъ?... Вспомнивъ объ умѣ и красотѣ Митеньки, она съ горечью подумала, какъ это можетъ ея мужъ не любить такого совершеннаго сына? И мысль ея мгновенно обратилась на всю массу огорченій, надеждъ, усилій, ежечаснаго напряженія ума и воли, которое составляло внутреннюю сущность ея жизни, скрываясь подъ вѣшнымъ декорумомъ высокой и невозмутимой порядочности. Но предаваясь этимъ мыслямъ она не позволила себѣ. Покрывъ свои вьющиеся волосы чепцомъ съ широкой оборкой, она встала, и величавой походкой, походкой боярыни, вышла изъ спальныхъ комнатъ.

Мужская дѣтская расписаная по штукатуркѣ зелеными и бѣлыми полосами, сходящимися на потолокъ, на подобіе шатра. Большое полукруглое окно открываетъ видъ на церковь. Второе окно приходится противъ вершинъ старыхъ липъ сада и, лишь наклонясь, можно видѣть у корней ихъ, внизу, густо затѣвленную почву и длинныя гибкія скамьи—качалки.

Пока дядька, Дормидонтъ Дмитричъ, ходилъ съ докладомъ, въ нишу окна, пользуясь временнымъ отсутствіемъ своего надсмотрщика, усѣлись два мальчика—13-ти и 12-ти лѣтъ. Старшій изъ нихъ славился впоследствии въ Петербургѣ своею красотой. Но теперь на тонкихъ чертахъ его лица и въ большихъ темныхъ глазахъ видна была грусть,—не миолетная, дѣтская, а безнадежная, глубокая, при видѣ которой чуткому человѣку сдѣлалось бы холодно. Въ Покровскомъ не было на этотъ предметъ чуткихъ людей. Дѣтское горе никого не удивляло. Одна Ефимовна оплакивала безплодными и тайными слезами печали своихъ питомцевъ.

Въ болѣе грубыхъ чертахъ Петруши не замѣтно было ни той красоты, ни того ума, какъ у Митеньки, но выраженіе унынія было то же.

— Какъ я люблю смотрѣть сюда, сказалъ шепотомъ старшій мальчикъ, всматриваясь въ море зелени за окномъ. Точно въ этихъ верхушкахъ, въ этихъ листьяхъ, въ этомъ воздухѣ безъ границъ—и самъ я свободенъ... точно живешь птицей и забываешь все...

Петруша вздохнулъ. Его мысли имѣли болѣе реальное направление.

— Какъ-то мы проведемъ сегодняшній день!—сказалъ онъ.

Брови его брата, похожія на брови матери, слегка сдвинулись на бѣломъ, чистомъ лбу.

— Да, отвѣчалъ онъ, не отрывая отъ окна взгляда. Я думаю, есть дѣти, которые встаютъ утромъ и рады...

— Чему?

— Всему. Что ихъ любятъ, что еще день... хорошій... впереди: А мы просыпаемся въ страхѣ...

— И жалко, что проснулись! вырвалось у Петруши громче, нежели онъ хотѣлъ.

Шш-ш! остановилъ его Митенька и оглянулся. Но никого не было вблизи. Младшіе братья спали.

Петруша наклонился къ Митенькѣ.

— Ты уже отдумалъ?—спросилъ онъ чуть слышно, но съ особеннымъ выраженіемъ.

Тотъ не отвѣтилъ.

— Ты забылъ... что хотѣли?—повторилъ братъ настойчиво.

Шаги Дормидонта Дмитрича слышались на лѣстницѣ. Митенька всталъ и легкою поступью подошелъ къ соннымъ дѣтямъ.

— Вставайте милые, сказалъ онъ, ласково проводя тонкою и нѣжною рукой по ихъ лицамъ. Вставайте, забравать...

Потомъ, воротившись къ окну, быстро подулъ на стекло, и на образовавшемся матовомъ налетѣ написалъ: „отъ папеньки никуда не убѣжать“, и стеръ все рукавомъ рубашки въ ту самую минуту, когда церберъ-дядька отворялъ дверь.

Дѣвочки между тѣмъ, подъ надзоромъ гувернантки, стягивали корсетами и одѣвали въ муслиновыя платья декольте. Потомъ раздалась команда:

— Faites votre entrée mesdemoiselles!

Дѣвочки съ печальными личиками и голыми блѣдными руками церемонно присѣдали одна за другой, выговаривая французское привѣтствіе родителямъ. Это была репетиція входа.

Внизу уже пили чай. Большой самоваръ шумѣлъ на всѣхъ

парахъ. За чайнымъ приборомъ сидѣла маманъ въ чепчикѣ и желтомъ камлотовомъ капотѣ съ пелериной. Ея бѣлыя руки, сухія и породистыя, скоро и плавно разливали чай и раздавали чашки присутствующимъ. Съ тою любезностью, которая составляла ея главное очарованіе, маманъ вела разговоръ съ учителями и гостившей родственницей, вела одна, потому что рара былъ не въ духѣ и хмуро молчалъ. Видѣу маманъ былъ счастливый и спокойный.

Дѣвочки еще только спускались съ лѣстницы, когда мальчики уже были въ столовой и Мишенька получилъ наказаніе—лишеніе поцѣлуя руки. На большомъ учебномъ столѣ были поставлены чашки жидкаго чая для дѣтей, съ парюю пшеничныхъ булокъ или сухарей при каждой чашкѣ. Послѣ чая должны были начаться уроки (лѣтнихъ каникулъ не полагалось) и дѣтямъ ничего не позволялось больше ѣсть до обѣда. Вотъ въ это-то время нянька искала и находила возможность передать старшимъ гдѣ-нибудь въ корридорѣ кусокъ чернаго хлѣба, взятый ею для себя изъ кухни. Ничего другого нельзя было ей унести, не возбудивъ подозрѣнія.

За младшими дѣтьми надзоръ былъ слабѣе, и жилось имъ легче; мальчики между уроковъ успѣвали сбѣгать въ садъ нарвать яблоковъ и подѣлиться ими съ сестрами; дѣбалось это подѣ страхомъ, но казалось тѣмъ веселѣе.

Не надо думать, что жизнь молодыхъ Брянчаниновыхъ была совсѣмъ безрадостна. Отъ нихъ многого требовали, но многое имъ и давали. Для нихъ были устроены и качели, и превосходныя зимнія горы въ саду; плоты на прудѣ, верховая ѣзда; не только мальчикамъ, но и дѣвочкамъ позволялось изрѣдка сопровождать отца на охоту: то былъ дворянскій обычай. Щедро пользовались они фруктами, въдѣ фрукты не продавались, конечно, а яблоки считали въ Покровскомъ мѣшкахми. Но и кромѣ всего этого, сколько счастья могла доставить этимъ тонко чувствующимъ дѣтямъ природа: прогулки, впечатлѣнія прекраснаго сада, широкаго простора полей и луговъ, красота Покровскаго, раскинутаго на двухъ холмахъ, чистый воздухъ. И жаль, что къ этимъ прекраснымъ, чистымъ радостямъ, удѣлу немногихъ счастливыхъ, такъ часто примѣшивалось мучительное чувство страха.

Не забылся старшими братьями такой случай.

Въ Покровское пріѣхалъ знакомый помѣщикъ съ подростками-сыновьями. Вслѣдствіе этого уроки Митеньки и Петруши были прекращены: надо было занимать гостей. Мальчики ходили гулять очень степенно, безъ шалостей, такъ какъ уже не считали себя дѣтьми. Полюбовались на фонтанъ, посидѣли въ гротѣ, и къ чаю возвратились.

Для молодыхъ господъ чай былъ сервированъ отдѣльно отъ взрослыхъ. Прислуживалъ имъ дядька. Къ чаю были поданы сдобные сухари изъ бѣлой муки по адресу гостей, и другіе изъ домашей пшеничной—для своихъ. Но Митенька и Петруша, среди разговора, взяли и себѣ по два бѣлыхъ сухаря, какъ брали ихъ гости.

— Не изъ жадности, увѣряю,—говорилъ Петръ Александровичъ, рассказывая впоследствии этотъ случай въ нашемъ домѣ,—а потому, что унижительно было показать гостямъ, что намъ не дадутъ ѣсть того же, что имъ...

Дядька видѣлъ преступленіе и донесъ. По отъѣздѣ гостей обоихъ братьевъ поставили на три часа на колѣни, заставивъ ихъ при этомъ держать по бѣлому сухарю во рту. Всѣ домочадцы ходили мимо и видѣли это.

— Стыдно намъ было, Машинька, убійственно стыдно. Сухари во рту тагутъ, проглотить не смѣемъ... А главное—стыдно, рассказывалъ съ горькимъ выраженіемъ старикъ. Ну, и обидно. Не маленькіе вѣдь мы были... За что??

Какая же огромная сила, какой избытокъ энергіи билъ ключемъ въ этихъ молодыхъ душахъ, если онѣ при такомъ режимѣ, не обезличились, не оступѣли, не выросли забытыми и безвольными! Что давало имъ эту силу?

Отчасти—широта барской жизни и природа. Но больше, главнѣе всего—вѣра. Въ томъ Евангеліи, которое говоритъ: „придите ко Мнѣ вси труждающіеся и обремененніи“,—они находили и утѣшеніе, и силу терпѣть, и преданность долгу. Настроеніе всей семьи Покровскихъ Брянчаниновыхъ было глубоко православное и церковное; волтеріанство не коснулось души дѣда. И на кого могли надѣяться несчастные дѣти, кромѣ Бога? Суровое воспитаніе сыграло для нихъ роль того тяжкаго молота, который, „дробя стекло, куетъ булатъ“. Оно выковало изъ нихъ людей строгой честности и серьезнаго отношенія къ жизни; въ нихъ не было ничего

пошлаго, но не было, можетъ статья, и достаточной мягкости характера, терпимости къ чувствамъ и идеямъ другихъ.

Прошло пять-шесть лѣтъ послѣ описанныхъ сценъ—и многое измѣнилось. Родительская ферула ослабѣла, по крайнѣй мѣрѣ для сыновей.

Юноши въ военной формѣ уже чувствуютъ себя почти свободными. Зимой, прїѣзжая въ Покровское, бывають на балахъ въ городѣ, сопровождая шашап и сестеръ, а въ деревнѣ катаются на тройкахъ и за околицей приглашаютъ къ себѣ въ сани хорошенькихъ крестьянскихъ дѣвицъ. Сестеръ, въ ихъ широкихъ салопахъ, катають тоже, но съ меньшей охотой и частенько опрокидываютъ сани въ снѣгъ, потѣшаясь надъ барышнями.

При молодыхъ господахъ еще живеть въ Петербургѣ вѣрный барину дядька, еще шлетъ въ Покровское рапорты такого, напримѣръ, содержанія:

„...Петръ Александровичъ, будучи у господъ Анненковыхъ на вечерѣ, изволили потерять батистовый платочекъ съ вензелемъ... Къ тому же вечеру Михайло Александровичъ изволили купить дорогихъ духовъ, за 5 цѣлковыхъ флакончикъ махонькій, а я докладывалъ, что можно бы одеклономъ подушниться, на всѣхъ де вертопраховъ смотрѣть здѣшнихъ нечего. Изволили сказать, посмѣявшись довольно: сами вы, Дормидонъ Дмитричъ, одеклономъ прыскайтесь, а я не то что прыскаться, а у меня надъ каждой Вашей милости господской копейкой болить сердце. Опять же Александръ Александровичъ изволятъ по ночамъ не возвращаться долго и разговоры, не зѣло подобные ведутъ промежъ прочихъ господъ офицеровъ, а впрочемъ случалось, вставали до свѣту и уѣзжали. Куда—не сказываютъ, и я, рабъ Вашей милости, услѣдилъ и дознался, что изволятъ до службы ѣздить въ Невскую Лавру къ заутренѣ, и о томъ Вашей милости докладываю, и что Дмитрій Александровичъ безперечъ изволятъ прибывать въ Лавру, когда только свободны отъ дежурства во дворцѣ, а бѣлье у Дмитрія Александровича все цѣло, которое пошло съ нами изъ усадьбы, а дружбу они ведутъ только съ однимъ господиномъ офицеромъ Ч—вымъ и вмѣстѣ въ Лавру ѣздить“...

Читая эти посланія Александръ Семеновичъ хмурился и

пожималъ плечами, но долженъ былъ сознаться, что все это въ порядкѣ вещей, и если въ поведеніи сыновей было что странное, то скорѣй ихъ приверженность къ Невской Лаврѣ, а не ночныя похождения Сашиньки.

Проходятъ еще года. Дмитрій Александровичъ огорчаетъ родителей: поступаетъ въ монастырь, бросивъ свѣтскую карьеру, которая шла полнымъ ходомъ. Между тѣмъ Софья Афанасьевна начинаетъ хворать, перемогается, но болѣзнь прогрессируетъ, и любимому сыну самому приходится хоронить свою умершую мать. Покровское остается безъ хозяйки.

Еще при жизни Софьи Афанасьевны Александра Александровна вышла по страстной любви за нѣкоего бывшаго гвардейца Жандрѣ. Вскорѣ и Сонечка сдѣлалась женою образованнаго молодого человѣка изъ лучшаго общества—Боборыкина. Оставались въ дѣвцахъ двѣ младшія дочери—Lise и Marie. Имъ Ефимовна замѣняла мать, заступалась за нихъ передъ грознымъ бариномъ и даже была имъ бита за это заступничество.

Когда думаешь о той давней порѣ,—порѣ крѣпостного права—поражаетъ, на сколько больше было доброты и здраваго пониманія вещей, даже пониманія христіанскаго долга, въ иной простой крестьянской душѣ, нежели у тѣхъ „премудрыхъ“, что мнили себя благородными изъ благородныхъ, и не только мнили, а дѣйствительно были такими въ своей средѣ.

Примѣръ—вотъ эта няня Ефимовна, которая молилась, какъ юродивый Гриша у Толстого. Была она ровесница Софьи Афанасьевнѣ, отдана за нею въ приданое, и всегда помнила свой „долгъ“ исключительной преданности барынѣ и ея дѣтямъ.

Въ молодости ея и у ней, какъ у другихъ дѣвушекъ, явилась мечта о счастіи: ее полюбилъ садовникъ Филадельфъ. Каждое утро на ея окнѣ появлялся букетъ свѣжихъ цвѣтовъ. Она и Филадельфъ были славной парочкой. Но когда попросила у господъ позволенія выйти замужъ, ей отказали.—Кому же другому я могу довѣрить дѣтей?—вскричала барыня.—Нѣтъ, нѣтъ, ты мнѣ нужна, оставайся въ нянькахъ.

И мечта улетѣла. Безъ жалобъ, безъ упрековъ, краткое

сердце принесло себя въ жертву. У Ефимовны осталась горькая отрада поминать на молитвѣ раба Божія Филадельфа до конца жизни.

Софья Афанасьевна умерла, но Александръ Семеновичъ еще не чувствовалъ себя старикомъ. У него зарождаются новые планы. Онъ начинаетъ ухаживать за одной изъ знакомыхъ барышень. Ходятъ слухи, что онъ намѣренъ жениться. Тогда Lise и Marie просятъ братьевъ о помощи.

Неожиданными и нежеланными для Брянчанинова гостями явились въ Покровское сыновья. Почтительно, но твердо они заявили отцу, что не потерпятъ чужой женщины на мѣстѣ папал. И сколько онъ ни выходилъ изъ себя, они стояли на своемъ.

Происходили классическія сцены. Въ концѣ-концовъ старикъ уступилъ.

Опять потекла жизнь въ Покровскомъ, съ виду обычная. Но отсутствіе матери давало себя чувствовать, и сестры вскорѣ поняли, что имъ надо поспѣшить выходомъ замужъ. Отецъ ихъ не удерживалъ.

Первою Елизавета Александровна приняла предложеніе заслуженнаго, но уже очень пожилого генерала, а черезъ два мѣсяца и моя мать сдѣлалась женою молодого сосѣдняго помѣщика, человѣка безусловной честности и прямоты, но неравнаго ей по образованію и привычкамъ. Всѣ птенцы стараго дома разлетѣлись.

Разнообразною была ихъ судьба.

Дмитрія Александровича ждала епископская кафедра, Петра Александровича—губернаторскій постъ. Старшая изъ сестеръ, послѣ тяжелыхъ непріятностей и разлуки съ мужемъ, впала въ мрачное помѣшательство. Она жила одна съ маленькой дочерью въ глуши своей приданой деревеньки, гдѣ снѣгъ заметалъ крыльцо и волки выли подъ окнами. Въ положеніе дѣвочки вошли тетки, помѣстили ее въ институтъ; однако и эта дѣвица, послѣ оригинальной жизни, жизни журналистки Катковскаго лагеря, кончила въ домѣ умалишенныхъ. Софья Александровна Боборыкина умерла на двадцать третьемъ году, оставивъ двухъ дѣвочекъ, которыя росли, какъ воспитанныя и свѣтскія барышни, подъ надзоромъ отца,—настолько умнаго и любящаго, что онъ не только не подав-

дядя ихъ личностей, но напротивъ помогаль имъ выработать свою самостоятельность и серьезный взглядъ на все окружающее.

Изъ братьевъ Брянчаниновыхъ смерть подкосила Александра Александровича еще военнымъ, въ молодыхъ и цвѣтушихъ годахъ жизни, которую онъ слишкомъ жадно пользовался. Но передъ смертью онъ принялъ тайный постригъ.

Михаилъ Александровичъ метался въ Петербургѣ, оставивъ военную службу по недостатку средствъ. Благодаря связямъ брата, архимандрита Сергіевской пустыни, онъ получалъ нѣсколько разъ хорошія мѣста, но не удерживался на нихъ. И понятно: у человѣка цѣлые міры въ головѣ и сердцѣ, а тутъ—канцелярщина, и главное, вездѣ та или другая неправда, а этого онъ не выносилъ. Наконецъ, схватился за другое: купилъ въ долгъ каретную фабрику; но ему ли было,—дворянину до мозга костей,—заниматься коммерческимъ дѣломъ? Женился онъ въ Петербургѣ на достойной всякаго уваженія, но бѣдной и не знатной дѣвушкѣ, которую не захотѣли признать своей его гордые родственники. Прогорѣвъ на фабрикѣ, Михаилъ Александровичъ считалъ для себя спасеніемъ то, что отецъ выдѣлилъ его, великодушно давъ ему большую и доходную усадьбу въ сѣверной глуши. Впрочемъ онъ и тамъ впослѣдствіи прожился по своей непрактичности, хотя самъ велъ хозяйство и вѣдиль на ряду съ рабочими, съ топоромъ и въ армякѣ, за бревнами въ лѣсѣ. Жена долгое время была его ангеломъ-хранителемъ, жила безвыѣздно въ глуши и умерла, оставивъ по себѣ свѣтлую память во всѣхъ, знавшихъ ее.

А. Курянова.

(Продолженіе слѣдуетъ).
